

Лю Че хотел, чтобы он отказался, но разве Вэй Цин не понимал этого? Просто Лю Че, связанный узами родства, не мог выразить открытый протест, а потому возлагал надежды на то, что Вэй Цин сам произнесет отказ. Поначалу Лю Че еще пытался воспользоваться случаем, чтобы докопаться до истины, но теперь он совершенно забыл о своей первоначальной цели — он жаждал лишь одного: услышать, как Вэй Цин отвергнет этот союз.

— Я обласкан императорской милостью, а из родных у меня остались лишь старшая сестра, великая принцесса да государь, — негромко промолвил Вэй Цин. — Раз уж великая принцесса не гнушается мною, как я могу чувствовать хоть малейшую обиду? Если на то будет высочайшая воля, я приму ее с великой радостью. — Он склонил голову еще ниже. — Во всем полагаюсь на решение государя и великой принцессы.

Лю Че прежде обещал, что если Вэй Цин даст согласие, он не станет препятствовать, поэтому императрица Вэй, услышав ответ, с улыбкой произнесла:

— Государь... — но, повернув голову, она увидела лицо мужа и в испуге замолчала.

В голове Лю Че проносились тысячи мыслей, но лишь немногие из них можно было назвать здоровыми: он сам настолько уступил, позволив Вэй Цину сделать выбор, а тот предпочел взять в жены вдову, которой за сорок. Во что, в конце концов, он его ставит?

Слегка постучав пальцами по столу, Лю Че после долгого молчания рассмеялся:

— Хорошо, очень хорошо. Как говорится, седины и юный лик — это утонченно, весьма утонченно.

Никто не осмелился ответить. Принцесса Пинъян лишь молча нахмурилась. Лю Че холодно добавил:

— Раз так, Я дарю вам согласие и издам указ о бракосочетании.

Золото, серебро, земли, титулы — казалось, Вэй Цину было все равно, иногда он даже спорил с ним. Истинный невежда, не знающий ни добра, ни времени!

Но этот лишенный желаний Вэй Цин вдруг принял такое предложение. Оказывается, и у него были свои прихоти... Выходит, вся его показная холодность и равнодушие к миру — лишь маска? Что ж, я пока потворствую вам. Благородный муж отомстит и через десять лет — у меня будет достаточно времени и возможностей, чтобы как следует проучить эту парочку прелюбодеев!

Поползли слухи, будто Вэй Цин заискивал перед принцессой Пинъян и просил о браке, чтобы подняться по карьерной лестнице. Цао Сян не верил в это ни на йоту, ведь это было нелепо. Как давно похоронили Жуйюй? Вэй Цин ни за что не мог оказаться настолько бездушным человеком! Не говоря уже о том, как он мог допустить подобное? А если отступить на шаг назад: Вэй Цин сейчас Великий маршал, брат императрицы, дядя наследного принца, обладающий огромной властью — зачем ему этот унижительный брак?

— Это я просила государя издать указ о браке, — сказала принцесса Пинъян сыну. — Ты прав, Вэй Цину больше не нужна моя поддержка, но теперь она нужна мне. Сян-эр, роду Цао нужна опора в лице могущественного клана. Этот брак — союз семей, объединение политических интересов.

— Я понимаю важность такого союза. Но не понимаю, мать, почему вы выбрали именно Великого маршала? При дворе полно знатных родов. Если уж заключать союз, разве не лучше было бы, чтобы я женился на дочери одного из них?

Цао Сян был взволнован, ведь ситуация казалась до крайности странной. Никогда он не слышал, чтобы династические браки заключались не между детьми, а между главами семей, да еще когда сын женщины старше ее избранника!

Никто бы не стал возражать против повторного брака матери, но он был крайне недоволен ее выбором. Почему именно Вэй Цин? Мать должна знать об отношениях Вэй Цина и Лю Че лучше, чем кто-либо, так зачем лезть в это пекло? Одно только общение с Лю Че для Вэй Цина уже стало тяжким испытанием. К тому же такой брак мог быть истолкован как вызов императору, и Цао Сян не понимал, зачем его умная мать решила ввязаться в эту смуту.

Цао Сян смотрел на мать, но та лишь улыбалась, и в ее счастливом сиянии угадывался некий намек. Кого бы она ни захотела видеть мужем, она могла добиться своего, так почему бы не выбрать того, кто по сердцу? Вэй Цин был великолепен: едва за двадцать, а уже облечен властью, уступает лишь одному человеку, полон мужества, одарен редкой красотой, а нрав его мягок. Он воплощал в себе все достоинства, о которых мечтает любая женщина.

Госпожа Жуйюй... сколько зависти, ненависти и проклятий она на себе несла.

От Лю Че, от матери, а была ли среди них доля и его самого? Кроме самого Вэй Цина, никто не оплакивал смерть Жуйюй по-настоящему. Он вдруг вспомнил тот взгляд, который Вэй Цин бросил на него в поминальном зале...

Неужели он тогда выглядел так же, как мать и Лю Че?

Напоследок принцесса Пинъян добавила:

— У меня свои расчеты. — Она помолчала и продолжила: — Твой брак я, разумеется, тоже продумываю. Знаешь, почему я до сих пор не искала тебе законную жену?

Цао Сян замер:

— Вы ждали подходящую партию, мать?

Браки аристократов всегда были сделкой, нужно было приберечь этот капитал, чтобы выбрать с умом.

— Верно. Но я уже давно все решила. Как только великой принцессе Вэй исполнится

четырнадцать, я пойду сватать ее для тебя.

Цао Сян остолбенел: великая принцесса Вэй? Старшая дочь императрицы, племянница Вэй Цина? Он помнил эту девочку — милую, нежную, столь же кроткую, как и ее дядя...

Увидев выражение его лица, принцесса Пинъян улыбнулась:

— Похоже, Сян-эр доволен моим выбором!

Щеки Цао Сяна вспыхнули.

Спустя некоторое время, когда внимание Цао Сяна отвлекли разговорами о великой принцессе Вэй, до него дошло: если мать выходит замуж за Великого маршала, не станет ли тот его отчимом? К тому же отчим моложе его самого? Быть пасынком человека, который годится ему в младшие братья... Не зная почему, он вспомнил притчу о наставлениях в саду — как Конфуций стоял во дворе, а его сын Кун Ли прошел мимо, опустив голову, и был призван к ответу. С тех пор наставления отца сыну называли «уроками в саду». Неужели теперь ему придется оказывать Вэй Цину сыновний почтение и выслушивать его «наставления»?

Хотя Вэй Цин, конечно, не стал бы так делать, но, вероятно, за спиной будут шептаться именно об этом... Цао Сян чувствовал себя подавленно и неловко. Вдруг он подумал о первой брачной ночи — как ее проведет Вэй Цин? У него самого от этих мыслей разболелась голова...

Каждый наблюдал за этим браком с любопытством и усмешкой.

Под всеобщими взглядами Вэй Цин, как всегда, шел своей дорогой, сохраняя спокойствие.

После свадьбы принцесса Пинъян забрала трех сыновей Вэй Цина из дворца. Если бы Вэй Цин женился на девушке помоложе, Лю Че мог бы возразить, сославшись на то, что та слишком молода, чтобы заниматься воспитанием детей, но теперь, когда его женой стала сорокалетняя принцесса, у императора не было никаких причин для отказа.

Однако до Цао Сяна дошли дурные вести, и он поспешил к Вэй Цину:

— Государь вызвал канцлера, цензора и начальника судебного приказа, приказав провести тщательное расследование против вас, маркиз Чанпина.

Вэй Цин лишь произнес «о» и со спокойным видом предложил Цао Сяну чаю. Видя его невозмутимость, тот не удержался:

— Маркиз не раз рисковал жизнью ради государя, а он так с вами обходится! Мне правда обидно за вас.

Вэй Цин тихо рассмеялся:

— Кто не злословит за глаза, и кого не поносят за спиной? Находясь на службе, давно пора было ожидать такого дня.

Хотя он и ждал, сказать, что ему было совершенно все равно — значит солгать. Лишь сам Вэй Цин знал: на самом деле он далеко не так стоек, как кажется.

— Маркиз, — даже теперь, когда Вэй Цин стал мужем его матери, Цао Сян не собирался называть его отцом. Хотя он невольно оказался на поколение ниже, это сблизило их еще больше; эта близость, купленная потерей статуса, вызывала в нем противоречивые чувства и гнев, а также жалость к самому себе. — Хотя чист тот, кто не запятнан, но... для того, кто хочет покарать, всегда найдется повод. Если государь решит причинить вам вред, разве ему нужно будет ловить вас на ошибках?

Вэй Цин кивнул:

— Ты прав. Но что толку волноваться? Оттого, что мы будем здесь суетиться, государь не перестанет искать повод.

Вэй Цин сам удивился своему спокойствию. Впрочем, он видел слишком много примеров, чтобы не быть готовым. Служить императору — все равно что жить рядом с тигром: редким удавалось выйти из игры целыми. Поэтому не стоило удивляться, что бы ни случилось.

Цао Сян замолчал, затем пробормотал:

— Все говорят, будто вы специально искали расположения моей матери, чтобы обеспечить себе тылы...

Вэй Цин лишь слабо улыбнулся, опуская глаза в чашу с чаем. В конце концов, в глазах посторонних его брак с принцессой был лишь попыткой использовать ее, найти укрытие под ее крылом и подняться по лестнице, опираясь на ее плечи.

Цао Сян добавил:

— Но боюсь, правда в ином. Зная вас, даже если бы вы не любили мою мать, вы не стали бы использовать ее для карьеры. Этот брак предложила мать, и я полагаю, что вы просто не хотели ее унижить?

Вэй Цин был слегка удивлен и поднял глаза. Цао Сян смотрел на него с улыбкой, в которой не было ни капли фальши. Они невольно улыбнулись друг другу, и Вэй Цин, опустив взгляд, тихо проговорил:

— Понимающие меня скажут: душа моя полна тревоги. Не понимающие скажут: чего он ищет? О, безбрежное небо, кто же это?

Эти строки из Книги песен изначально были полны печали об утраченном государстве. Но в устах Вэй Цина они утратили свой прежний смысл: он сокрушался о том, что Лю Че, ослепленный гневом, повсюду ищет изъяны в его жизни, в то время как здесь, с Цао Сяном, он ведет душевную беседу.

Если бы Лю Че мог так же общаться с ним... как было бы хорошо.

Почему Лю Че не Цао Сян? Почему Цао Сян не Лю Че?

Три донесения от канцлера, цензора и начальника судебного приказа легли на стол Лю Че. Прочитав их, он мрачно усмехнулся:

— Истинный Вэй Цин, все делает так, что комар носа не подточит.

Он небрежно отшвырнул бумаги.

— Все говорят, что никого не обсуждают за спиной, но раз уж расследование не нашло ошибок, значит, накопили гору добрых дел.

Что тут скажешь? Старая привычка Вэй Цина снова дала о себе знать... Нет, он ее так и не искоренил. Можно ли это считать подкупом людских сердец? Верно, это отличный повод для обвинения! Вэй Цин подкупает сановников, и даже моих наложниц — тоже! Ха-ха-ха!

Ли Яньнянь, прислуживавший рядом, усмехнулся:

— Если расследование не выявило ни одной ошибки, это само по себе странно. Либо господин Вэй — настоящий святой, либо канцлер и остальные уже давно стали его людьми. Это создание партий — дело опасное, нужно тщательно разобраться.

Лю Че покосился на него. Хотя он и сам думал так же, слышать это из чужих уст было неприятно. Кто позволил тебе говорить о нем гадости? Но вслух он проскрежетал зубами:

— И то верно, надо бы проверить.

— Государь, почему бы не издать указ: тысяча золотых за любую провинность? Под тяжким бременем награды обязательно найдутся смельчаки. Если даже тогда не найдут реальных обвинений, можно просто придумать их: белое выставить черным, мелкий грех — тяжким преступлением. — Ли Яньнянь приподнял брови с жеманной улыбкой. — Не важно, было ли это на самом деле, главное — чтобы выглядело правдоподобно.

Лю Че уставился на него, улыбка медленно расплзлась по его лицу, превращаясь в безудержный хохот.

— В таком случае не стану ли Я тираном, губящим верных слуг? — смеясь, подумал он: ты всего лишь жалкий сводник, а смеешь клеветать на Вэй Цина! Совесть у тебя псы съели, напрасно Вэй Цин когда-то проявил к тебе доброту!

Неожиданно Лю Че взмахнул рукой и отвесил Ли Яньняню такую пощечину, что тот даже не успел вскрикнуть и рухнул на пол. Лежа, он почувствовал, как все плывет перед глазами.

Лю Че встал, подошел к нему, присел и грубо схватил за подбородок, заставляя поднять голову.

Движения были жестокими, но на лице Лю Че сияла улыбка.

— Я люблю красивых людей, и люблю умных. Ли Яньнянь, быть сводником — значит зарывать талант. Хочешь стать чиновником?

Ли Яньнянь прищурился:

— У подлого люда нет права на службу.

— Если Я того захочу, могу снять статус подлого люда не только с тебя, но и со всего твоего рода. Каким чиновником хочешь стать? Выбирай.

— Правда? Тогда хочу быть чиновником, отвечающим за сбор податей.

— Почему?

Ли Яньнянь захлопал глазами:

— Потому что можно потихоньку придумывать новые сборы, а все излишки прятать себе в карман.

Лю Че расхохотался:

— Вот это хватка!

Он схватил его за грудки и поставил на стол.

— Я не пропаду без Вэй Цина! Раз Я смог вырастить из Вэй Цина Великого маршала, Я смогу создать и второго!

Он погладил Ли Яньняня по лицу и улыбнулся:

— Я дам шанс твоему брату. Если он хоть наполовину так же расчетлив, как ты, то не разочарует Меня.

Ли Яньнянь едва сдерживал радость:

— Государь...

— Но мне не нравится твой голос, — улыбка Лю Че не дрогнула. — Он слишком мешает. И все же мне не хочется отрезать тебе язык, ведь тогда я не услышу, как ты поешь, а это была бы потеря. Поэтому чин, который я тебе жалую... — он понизил голос, — ...евнух.

Лю Че сдержал свое слово. Ли Яньняня отправили на оскотечение, а Ли Гуанли был вызван на аудиенцию, после чего его статус подлого люда был аннулирован, и его в обход правил назначили на шестой ранг военного начальника. Пусть должность была небольшой, всех это повергло в шок: отмена статуса низкого люда уже была великой милостью, а тут еще и чин!

Месяц спустя Ли Гуанли выступил в поход с двумя тысячами конницы, чтобы разобраться с отрядом суннуских разбойников. Согласно разведанным, врагов было не больше тысячи. Со стороны казалось, что это лишь способ подарить Ли Гуанли легкую победу.

Лю Че потягивал чай, потирая синяк под глазом; он верил в свою прозорливость — до сих пор люди, которым он доверял, не были бездарностями.

Как только Ли Гуанли вернется с победой, у него будет повод повысить его и разделить часть власти Вэй Цина. Хотя Вэй Цин был талантлив и оставался единственным кандидатом на пост Великого маршала, слишком большая концентрация власти в одних руках не сулила добра! В конце концов, если когда-нибудь Вэй Цин не справится, кто в спешке возьмет на себя это бремя? Цюй Бин, тот ребенок...

...Ай! Лю Че, отпивавший чай, вскрикнул и отдернул чашку. Опять задел разбитый уголок рта. Он невольно помассировал его. Эх, не жалеет сил этот Цюй Бин... Я всего лишь хотел поболтать со старым знакомым, к чему такая бурная реакция?

Ранним утром Лю Че, еще видевший сладкие сны в теплой постели, был разбужен срочным донесением: «Ли Гуанли... две тысячи конницы... разгром... уцелело лишь сто всадников... бежали обратно к границе». В ужасе он подскочил на кровати, мгновенно протрезвев: о Небо, проиграть такую битву — дерево, не поддающееся резьбе! Он растоптал Мою доброту! Обязательно накажу! Казнить весь род!

Лю Че в ярости поднялся и приказал одеваться. Он уже собирался отдать приказ о казни Ли Яньняня, как вдруг остановился.

Разве казнить их просто так — не слишком легкое наказание?

Он хотел возвысить Ли Гуанли, чтобы разделить власть Вэй Цина, но тот принес лишь разочарование. Не только он — Ли Гуан, Гунсунь Ао, Гунсунь Хэ, Су Цзянь, Чжао Синь, Хань Шо — никто не оправдал ожиданий. Неужели мысль о том, чтобы скопировать Вэй Цина, была так наивна? У Хань есть только один Великий маршал, и заменить его некем.

Лю Че вспомнил, как Вэй Цин посмотрел на него, услышав весть о смерти Жуйюй. Этот взгляд заставил его вздрогнуть. Печаль, гнев, безысходность — они наложились на воспоминания десятилетней давности, когда юноша с ясным взглядом смотрел на небо.

Лю Че застыл, не зная, что сказать. Смерть Жуйюй действительно глубоко ранила Вэй Цина, а он... как он себя вел? Возможно, он и правда зашел слишком далеко... Может, все эти дары были лишь суетой... Возможно, Вэй Цину нужно было лишь его утешение, одно теплое слово...

Даже оставаясь наедине, Вэй Цин выбирал путь предельной осторожности, смиренно сносил все удары, оставляя ему, императору, право на последнее слово. Раньше он должен был радоваться такой рассудительности, но почему сейчас Лю Че видел, как тот прекрасный юноша из его памяти громко смеется ему в лицо?

— Ты жалок, Лю Че! Я — глупец, всю жизнь грезивший о несбыточном, жалкий, ничтожный, скучный и подлый человек. Но ты еще хуже. Лю Че, ты куда более жалок, чем я! Я хотя бы любил тебя всем сердцем, доверял тебе, надеялся, что мы будем поддерживать друг друга, не расстанемся, при жизни будем делить ложе, а после смерти — гробницу. А ты? Кому ты доверял? Человек, проживший жизнь, не имея никого, кому можно доверить свое сердце —

скажи, разве не жалок ты?

Призрачный образ из воспоминаний закинул голову, хохоча, насмехаясь и отчаиваясь; сегодняшний Вэй Цин отвернулся, не желая смотреть.

Лю Че смотрел, как видения прошлого и настоящего переплетаются. Долго стоял, глядя на балки крыши.

Вансунь, Вансунь, Вансунь... почему ты прыгнул?

Вансунь, Вансунь, Вансунь... Я мог дать тебе все: золото, камни, любые сокровища из казны, титулы, земли — чего бы ты ни захотел...

Он закрыл глаза, но перед ним был лишь решительный уход Вэй Цина. Почему между ними всегда была какая-то преграда? Чуть что — и Вэй Цин тут же отпрыгивал в сторону, проводя четкую границу, точно так же, как сейчас...

Чины, земли, деньги, титулы — все обещания, данные тогда Вансуню, теперь были даны Вэй Цину, но его спина по-прежнему казалась одинокой и печальной. Каждый раз, когда Вэй Цин отдалялся, то, что могло заставить его снова улыбнуться без тени сомнения, было вовсе не властью и не богатством.

Вансунь, Вансунь, Вансунь... почему ты прыгнул?

Десять лет назад Вэй Цин ответил твердо:

— Помнит ли государь три условия, которые поставил господин Хань перед уходом? Полагаю, в них кроется ответ.

Нет, он не мог позволить их противостоянию продолжаться.

Приняв решение, Лю Че сел за стол и написал указ относительно донесения: «Не впускать Ли Гуанли за заставу, пока не добудет победы», — и приказал немедленно отправить его с гонцом. Затем он махнул рукой слуге:

— Выгнать Ли Яньняня из дворца.

Слуга поклонился:

— Ли Яньнянь сейчас с трудом передвигается, боюсь...

Лю Че нетерпеливо махнул рукой:

— То, что я не убил его, уже великая милость. Выбросьте его за ворота, меньше разговоров.

Ли Яньняня вышвырнули за ворота, а Лю Че со свитой потянулся следом, издалека наблюдая, как тот, волоча ноги, шаг за шагом уходит прочь.

<http://bllate.org/book/21150/2144308>